

ЧЕСТНАЯ РАБОТА

Первого сентября резко изменяется жизнь любого города, особенно большого: все население начинает жить в ритме школы. На улицы выползают все автомобили, сколько их есть, и в половине — дети, которых везут в школу; лифты от 7:40 до 8:15 работают в авральном режиме, спуская вниз мальчиков и девочек с рюкзачками; к 9:00 толпы студентов штурмуют автобусы, пробиваясь к университетам; в середине дня бабушки перевозят детишек в музыкальные школы и на секции. Мы только и делаем, что обеспечиваем обучение наших детей, сначала пробиваясь в «хорошую школу», потом, доставляя их туда, потом, тратя безумную энергию, чтобы чадо поступило и т.д. Мы убеждены, что без этого нельзя.

Постепенно в этом убеждаются и сами наши дети. Получить «хорошую специальность», дающую возможность заработка на рабочем месте и карьеры — вот предел мечтаний большинства обычных юношей. А для этого нужно пять лет отучиться в вузе. А потом проходить курсы и собирать дипломы, получать второе высшее и т.д.

В любой стране сфера образования контролирует огромные ресурсы и не только бюджетные и денежные: она контролирует, как мы видим, и ритмы всей человеческой жизни, от ежедневных до десятилетних. Точно так, как 200 лет назад жили от урожая до урожая, сто — от гудка до гудка, сегодня все в России живут от учебного года до учебного. Эти ресурсы постепенно перераспределяются, уходя из государственной системы школьной и вузовской лестниц в пользу иных форм, но огромное большинство и взрослых людей, и детей просто не могут вообразить себе жизнь без школы.

Меня не покидает ощущение, что сегодняшняя российская (и мировая) образовательная практика — огромный мыльный пузырь, готовый вот-вот лопнуть, что он основан на крупномасштабном цивилизационном обмане. В обмане участвуют две стороны — традиционные «образователи» (работники этой сферы) и работодатели, — а жертвы обмана — это мы все: и родители, и дети, и все остальные, застревающие в утренних пробках и живущие в ритме образования. Впрочем, «обмануть меня нетрудно — я сам обманываться рад»: без поддержки «потребителя» все бы лопнуло в момент.

Последнее, уже совершенно дикое поветрие, — подготовительные курсы к младшей школе. Несчастных детей после детских садов родители таскают «развивать руку» (писать палочки) фактически в те школы, куда они наметили пробиваться. Ситуация недвусмысленная: либо ходи на курсы и плати, либо «ребенок к школе не готов». И предложение, от которого якобы нельзя отказаться, и поддержка потребителя — налицо.

* * *

Но в чем же обман? Он состоит в том, что массовое (а то и всеобщее) образование, которое можно получить в школах и вузах — якобы абсолютно необходимо для того, чтобы в будущем быть полноценным человеком.

Сразу укажу на точку, где оно действительно необходимо: это — социализация, т.е. вращение в социум, умение и возможность жить по его обычаям (включим туда же и первичные цивилизационные навыки: чтение, клавиатуру, счет, гигиену и т.п.). Для этого школа в ее нынешнем виде нужна. Все остальное — вранье.

Оно, это вранье, разное в России и на Западе.

Западный вариант: карьера действительно зависит от той совокупности курсов, которую человек прошел. Налицо поддержка существующей системы обучения со стороны менеджеров по персоналу. Без диплома о прохождении курсов младших продавцов младшим продавцом не устроиться. Но понятно, что реальная полноценная жизнь и даже карьера не зависят от этого. Налицо жесткие и самоподдерживающиеся правила игры, вынуждающие каждое новое поколение в массовом порядке прибегать

к услугам системы образования. Это можно сравнить с тем, как если бы без ежегодного подлечивания невозможно было бы — по сложившимся законам и обыкновениям, — например, получить страховку или взять кредит. И люди были бы вынуждены каждый год проходить курсы лечения, а потом бы, через поколение, и сами бы уверились в том, что без этого нельзя.

Российский вариант: на работу принимают не по образованию, а по знакомству или по смыслу дела. В этом отношении тут все более честно: обучение нужно там, где оно действительно нужно, а можно подучиться и на месте, был бы человек нормальный. Зато цветет миф о фундаментальном научно-ориентированном образовании: без него, мол, в современном высокотехнологическом мире — никуда, а в России оно есть и должно поддерживаться. Невостребованность в массовом масштабе высокообразованных выпускников физфаков и мехматов компенсируют разговорами, что фундаментальные дисциплины имеют мировоззренческий и общепродвигающий характер, что они позволяют жить более осознанно.

Но здесь макрообман состоит в том, что современная жизнь построена не на научно-фундированных основаниях (как это, возможно, было лет 50—100 назад). Сегодня идея единого для всех прогресса дезавуирована, у власти находятся не технократы, а политики-экономисты и социальные технологи, наука и теоретическое знание начинают выполнять сервисную функцию в отношении и локальных, и крупных проектов социокультурных сдвижек. Жизнь организуется регионально (но на основе глобальных инфраструктур). Постмодернизм, бывший десять лет назад интеллектуальным уродством, реализуется во всех сферах жизни, от власти до арт-проектов, от производства до управления (см., например, «Бизнес в стиле фанк» К. Нордстрема и Й. Риддерстрале и другие книги этой серии).

Дети, которым твердят о неизбывной культурной значимости фундаментальных знаний (перемежая это тезисами о его конкурентоспособности в современном мире), фундаментально и обмануты. При этом уважаемые деятели математики пишут о недопустимости того подхода к общим знаниям, которые реализуются в экзамене PISA (а он направлен на подлинное использование, задействование знаний, т.е. на разум в собственном смысле), это для них проституция¹. Но не растление ли малых сих, да и к тому же массовое, — грузить детей старьем, превращая абсолютное большинство из них в «недоучившихся ученых»? — ведь науке, особенно в России, нужны единицы. Что делать остальным?

Это еще можно было понять в годы холодной войны - массовая школа фактически стала ситом, откуда выискивалось 1—2 % тех, кто способен был ковать и поддерживать оборонное могущество страны. Но сегодня вся российская система образования выбивается из сил, чтобы обеспечить талантливыми сотрудниками господина Билла Гейтса, NASA, европейские университеты и CERN. Все остальное — в небрежении.

* * *

Словом, сегодняшняя массовая школа (хотя и по разным причинам и «с разных сторон» в России и на Западе; что вырастет на Востоке — не знает пока никто) тотально страдает дисфункцией по отношению к реалиям современной жизни.

Она ориентирована на теоретическое знание — при том, что теории в современном мире занимают подчиненную функцию по отношению к проектам социокультурных сдвижек.

Она транслирует устаревший идеал образованности (точнее, обученности), основанной на готовых знаниях, объявляя его основой жизненного успеха, хотя в реальности эта «основа» не более чем социальный сговор работодателей с образователями.

---

¹ Васильев В. Испытание «П». Хороший курс математики или физики — это всегда первоклассный тренинг для разума // НГ. 2005. 8 июня. (http://www.ng.ru/science/2005-06-08/14_ispytanie.html).

Она оперирует с готовым, неизбежно устаревшим набором социокультурных смыслов, касающихся жизненной траектории ученика (особенно это касается России, где учителя волею несчастной судьбы превратились в основной массе в социальных инвалидов), — и тем самым не только препятствуют собственному самоопределению ученика, но неизбежно внедряют в него неадекватные социокультурные нормы и образцы. Выпускники не все являются социальными импотентами только потому, что школа и вуз не выдерживают конкуренции (о ней ниже) и работают не эффективно.

Она не признает за учеником права на пробу, риск, игру и ошибку — фундаментальные основы подлинного человеческого существования.

Она основывается на устаревшем, уже даже антропологически, отношении к норме и нормативности, к дисциплинарности как к тому, что обладает безусловным приоритетом над ситуативностью. Ориентируясь на этот уже несуществующий антропологический проект, она принципиально не может воспитывать (сегодняшнее воспитание не связано с нормами и правилами, а имеет коммуникативные основания).

И, наконец, массовая школа просто не учит тому, что жизненно необходимо: ни самоопределению и постановке целей, ни навигации в современных мирах, ни работе с основаниями практик и наук, ни компетенциям, связанным с самообразованием, ни мышлению и коммуникации, ни организации и ориентированию в сложной, полипозиционной обстановке, ни тому, за счет чего можно вырваться за пределы накатанной жизни в потребительском обществе.

Разумеется, образованные в старом смысле люди нужны — но относительно совсем немного. Решение получать такой тип образования (равно как и образование иных типов) должно сегодня быть актом сознательного выбора ученика, студента, взрослого. А это значит, что на первое место выходит проблема самоопределения, но самоопределения именно в современном мире. Без понимания того, что он из себя представляет, без навигации в нем, такое самоопределение неизбежно окажется пустым, основанным на неизвестно откуда залетевших (из СМИ, от родителей, по слухам, из той истории, которая закончилась) в голову человека представлениях.

* * *

Именно поэтому то, что делает Школа гуманитарного образования, которая существует как Сеть открытого образования под руководством Александра Попова, является столь актуальным. Сосредоточенность на контекстах самоопределения, на создании инфраструктуры поддержки принятия молодым человеком решения, их способность обеспечивать навигацию, в том числе и пространственно-географическую, в современном мире — имеет первостепенную важность.

И дело не только в актуальности. Главное в том, что эта работа представляет собой впечатляющую, последовательную и фундированную — а значит, очень достойную — попытку *работать честно*, попытку выйти из круга того взаимного обмана, который витает вокруг сферы образования. Не поддаться на массовую цивилизационную ложь и вытащить из этого круга тех юношей, которые без этого внимали бы своим наставникам о том, какое замечательное образование дает какой-нибудь N-ский ракетостроительный институт. Название, конечно, условное, а если такой институт и есть, то вполне возможно, что и преподаватели там хорошие, но такие утверждения все равно лживы, поскольку не поставлены в контекст самоопределения ребят и поскольку идеал образованности, представленный в таких советах, ничуть не проблематизируется.

* * *

И впрямь: если подумать, то российский идеал образованности вовсе не сводится к большому знанию. Ее идеал выпускника за 200 лет существования российской средней и высшей школы — человек, равномогущий всей системе, организации, миру. Человек, способный работать «в открытом режиме». Даже в советское время школа и вуз давали целостное мировоззрение, революционное, преобразовательное по духу; выпускник

обладал теоретическими инструментами для возможных общественных изменений. Идеалом воспитания в школе была «активная жизненная позиция» (потом-то практически все оказывались «лишними людьми»).

Ситуация «школа — рассадник (индивидуальной) революционности, школа — источник развития» существовала и век, и два века назад. В период первоначального развития системы российского образования это можно было сказать только об отдельных заведениях, типа Лицея или Московского университета. В 1860—1980-е годы реальное образование, основанное на изучении естественных наук, придавало силу, открывало закрытые классическим кругом предметов возможности, превращало молодого человека во властелина мира, в того, кто стоит на острие исторических тенденций.

К 1910—1920 годам уже три поколения учителей и вообще интеллигенции выросли в этом духовном поле, и, разумеется, советская школа впитала дух революционной энергии «по полной программе». Выпускники школ и вузов 1920-х, да и 1930-х годов — по типу мышления и действия были, как бы мы сказали теперь, настоящими хунвэйбинами — новой советской партийно-хозяйственной организационной элитой, новой интеллигенцией. Они не входили в готовый мир, они строили его — на основе материалистического и одновременно революционного мировоззрения. Молодые люди той эпохи действительно чувствовали в себе силу построить новый мир и стать в нем хозяевами.

Та же схема проявилась и в 1960—1970-е годы. Но тут участие в преобразовании мира происходило через освоение науки и инженерии, традиционной и новой: химических технологий, программирования и т.д. Физики в почете были не потому, что знали кое-что о тайнах природы, а потому, что имели доступ к источнику энергий, сил, а значит, — так это понималось тогда — источнику развития страны и всей цивилизации.

Выходит, что российская, а потом советская школа всегда работала по одной, чрезвычайно значимой и важной схеме: она давала своим выпускникам ощущение силы и всемогущества, давала почувствовать себя хоть на несколько лет творцом нового в мире. Делалось это, как мы видели, чрезвычайно по-разному, но делалось всегда. Учитель, конечно, «давал знания», «прививал мировоззрение» — не в этом суть — он окрылял.

Разумеется, это получалось далеко не у всех. И не все ученики ощущали это «сатори», не все переживали счастливый период полноты сил. Но именно такие учителя и такие ученики составляли идеал.

* * *

Если это так, то встает вопрос, что сегодня? Этого пока не знает никто, и задача состоит в анализе того, какие профессиональные области или даже какие еще не профессионализированные занятия в современной ситуации являются общественно-созидательными, обладают «вдохновляющим потенциалом», дают возможность участвовать в жизни в полной мере, находятся на переднем крае развития страны или цивилизации вообще. Надежда России — на сдвиги и прорывы, на развитие новых областей, на необычные ответы на вызовы. Нам еще предстоит те или иные катаклизмы — без них стране не подняться.

Где передний край сегодня? Есть разные варианты. Быть может, сейчас мир находится в руках («в пальцах») программистов, информационщиков, техников виртуальной реальности? А может быть, сегодняшняя точка развития задается работой организаторов, таких универсальных предпринимателей, связывающих в успешные бизнесы новые технологии и ресурсы по всему миру? Или на это место мы должны поставить юриста? алхимика финансов (по выражению Джорджа Сороса)? участника движения ролевых игр? эколога (но какого — технолога или защитника природы)?

Наверное, искать один ответ здесь бессмысленно, потому что не существует одного единственного направления развития современной жизни общества (сдвиги есть, а «прогресса» — нет). Можно перечислить несколько принципиально различных «зон»,

где строятся новые практики, которые будут определять жизнь завтра. Но среди перечисленных занятий нет ни экономистов, ни физиков (ученых-естественников), ни филологов (классических гуманитариев), а ведь это типичные названия трех профильных потоков в старших классах городских российских школ!

Получается, что и тут видно, что школа живет по инерции, в лучшем случае предъявляя ученикам те варианты профильного обучения, которые она может обеспечить (по историческим причинам), но никак не те, которые могут задать молодому человеку мощный жизненный импульс. Те молодые люди, которые могут и хотят что-то сделать, которые имеют активную жизненную позицию и могут ее реализовать, получают вне и помимо школ и институтов — в организациях, подобных Школе гуманитарного образования.

* * *

Пока можно выделить три «ключа» к тому, чтобы начать работать не по инерции, не в поле самообмана, а честно, с полным пониманием того, что нужно современной жизни от современных людей.

Во-первых, это организационные проекты. Именно они, а не курсы и не предметы, сегодня ведущая форма образования, подчиняющая своей логике все остальные части программы. Цель участия в проектах — освоение организационного плана любой практики. Организационный подход, организационный взгляд на вещи сегодня становится одним из важнейших. Школьники и студенты участвуют в проектах, своих и чужих, чтобы приобрести взгляд и «руку» организатора, чтобы научиться стягивать дотолера разрозненные деятельности и сферы и получать нечто жизнеспособное и осмысленное. <...>

Во-вторых, это размыкание школы. Ни рекламу, ни современное телевидение, ни игры, ни политику, ни современные арт-проекты, ни способы формирования собственной жизни учителя объяснить школьникам не в состоянии. А ведь только сознательная ориентировка в этих практиках может сделать молодого человека «хозяином жизни». В сети ШГО работают в качестве руководителей проектов, мастеров и наставников организаторы и специалисты из этих и подобных сфер: программисты, рекламщики, издатели, инновационные предприниматели, социальные проектировщики и продюсеры. В ходе этой работы вместе с учениками начинают постепенно выстраиваться контуры ответов на вопрос, как сделаны, как организованы современные практики, — и ответов на самый важный для молодых людей вопрос: как это все могло быть сделано иначе.

В-третьих, это новое осмысление предметов. Современные продвинутые организаторы образовательных систем говорят об инструментальной и мировоззренческой функциях изучения предметов: важны не сами знания, а средства для работы внутри разных практик; важны не сами знания, а ориентировка в определенной области, которая задает особый тип отношения к миру вообще, — превращающий специалиста в гражданина, в человека, живущего в истории.

Но если важно не только жить в истории, но и участвовать в ней, то даже мировоззренческий аспект изучения какого-либо предмета оказывается подчиненным: важно не миро-воззрение, не миро-созерцание, а миро-строительство, в том числе, и само-строительство. Важно переосмыслить уже преподающиеся предметы так, чтобы они служили именно этой задаче, задаче становления активного, самоопределяющегося человека. Именно так это сделано с географией (и историей, и страноведением, и обществознанием) в курсе «География человеческих перспектив». В курсе вводятся понятия, которые структурируют для старшеклассников пространство современной жизни в ее возможностях и перспективах. Методы «гуманитарной картографии» помогают старшеклассникам соотносить сценарии пространственного развития страны с собственными жизненными сценариями. У каждого к концу курса получается карта

собственной траектории движения в стране: где учиться, работать, создавать семью и т.д. Навигация открыта — можно пускаться в путь!

* * *

Итак, сегодня ситуация состоит в том, что идет поиск вариантов решения главной проблемы — как дезавуировать самообман, как достроить, дополнить систему образования такими организованностями, из которых могут выходить в жизнь активные и сильные деятели, полноправные участники исторического процесса. <...> Для молодых граждан России обсуждение и картирование жизненных перспектив дает больше, чем любые казенные идеологические призывы типа «Спартак — чемпион». В этом смысле сеть ШГО делает то, чего не делает сегодняшняя российская власть, она компенсирует то, что власть недодает: понимание перспективы, надежду, формирование горизонта.

Еще один серьезный момент — конкуренция за умы. Сегодня иные, «не образовательные» центры влияния начинают осознавать собственные возможности по формированию нужных им человеческих типажей. Это относится и к масс-медийным структурам, и к тем более традиционным образовательно-воспитательным (идеологическим) проектам, которые выстраивают могущественные бизнес-группы типа «Газпрома», «Лукойла» и т.п. Образование сегодня находится в конкурентной ситуации, и она будет только усиливаться. Школа пока проигрывает в этой конкуренции, и пока она не будет делать что-то подобное тому, что делается в Сети ШГО, проигрыш неизбежен.

Далее, с точки зрения воспитания, в России очевидно нужны люди, качественно отличающиеся от сегодняшних по параметрам самостоятельности, ответственности и мобильности. До сих пор стандартная система образования плодит неподвижных в масштабах страны и мира социальных иждивенцев. Но мобильность граждан в России должна рассматриваться и как ресурс, и как средство реабилитации многих депрессивных территорий. Передвижения граждан должны рассматриваться как возможности — и для самих граждан, и для власти, — а не как беда и напасть. Население России сейчас крайне немобильное — и в физическом, и в карьерном, и в качественном пространстве. Стандартная, построенная на фальшивых устаревших принципах система образования не в силах преломить эти тенденции <...>.

* * *

Если же весь этот макрообман будет продолжаться, если система образования не сможет интегрировать в себя те варианты ответов, которые дает, например, Сеть Школы гуманитарного образования, то безумная растрата человеческих ресурсов на так называемое образование не кончится никогда. И тогда — раз уж речь зашла о географии, перефразируем госпожу Простакову, — окончив школу и даже зная очень много, чем мы все будем лучше извозчиков?

Геннадий Копылов

*Главный редактор методологического
и игротехнического альманаха «Кентавр»*